

О ПРОСТРАНСТВЕННЫХ АРХЕТИПАХ В ЛИТЕРАТУРЕ

В статье анализируются исследования, посвященные литературному архетипу. Авторы выявляют и описывают пространственные архетипы в художественной литературе. Семантика бинарной оппозиции дом/лес рассматривается на примере повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики».

Ключевые слова: художественное пространство, литературные архетипы, пространственные архетипы, бинарные оппозиции.

В последнее десятилетие появился целый ряд исследований, в которых анализируется литературный архетип [4, 5, 6, 7, 8, 9]. Актуальность такого анализа связана с возможностью более глубокого и универсального прочтения литературного произведения. Особенно яркими примерами такого прочтения являются работы Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского и др. Сложность, однако, состоит в том, что до сих пор отсутствует единая классификация литературных архетипов. Данной проблеме посвящена работа Е.М. Мелетинского «О литературных архетипах» (1994). Автор с сожалением констатирует, что «попытки представить архетипические мотивы в виде строгой системы, особенно системы иерархической, ни к чему не приводят» [1: 51]. В этой связи исследование системы литературных архетипов представляется перспективным. Цель настоящей статьи – определение и описание пространственных архетипов в литературе.

Е.М. Мелетинский, предложивший понятие «литературные архетипы» и наметивший основные из них, отдельно пространственные архетипические образы не выделял, но в то же время неоднократно указывал на то, что «...в мифологии само описание мира возможно только в форме повествования о формировании элементов этого мира и даже мира в целом. Это объясняется тем, что мифическая ментальность отождествляет начало (происхождение) и сущность, тем самым динамизируя и нарративизируя статическую модель мира. При этом пафос мифа довольно рано начинается сводиться к космоизации первичного хаоса, к борьбе и победе космоса над хаосом (т.е. формирование мира оказывается одновременно его упорядочиванием). И именно этот процесс творения мира является главным предметом

изображения и главной темой древнейших мифов» [1: 13]. Таким образом, по мысли Е.М. Мелетинского, основным архетипическим мотивом, из которого формируются все остальные, является противостояние космоса и хаоса. Наше наблюдение подтверждается следующей мыслью автора: «В пространственном отношении космос противостоит хаосу как внутреннее организованное пространство – внешнему. <...> Структура космоса, воплощаемая мировым деревом, включает по вертикали 3 основных зоны – небо, землю и преисподнюю, по горизонтали – 4 стороны света, воплощаемые часто мифологическими персонажами. В основе существования Космоса (и человечества) – мировой порядок, закон, правда, справедливость. <...> Разрушительные силы хаоса в мифах о космических циклах ослабляют действие мирового порядка, что приводит к гибели космоса (описываемой эсхатологическими мифами) и новому творению» [2: 296].

В указанной работе Е.М. Мелетинского много ценных наблюдений, касающихся архетипичности пространственных мотивов. Крайне важным для нас представляется выявление автором архетипической схемы путешествия героя в фольклоре и литературе: «Тематика творения связана с динамикой во времени. Внутри этой динамики или вне ее обособляется мотив движения в пространстве и пересечения различных зон и миров (где контактируют с мифологическими существами, приобретают их мощь или борются с ними, добывают ценности и т.п.), что служит простейшим способом описания модели мира. Здесь зародыш *архетипической схемы путешествий* (выделено авт.)» [1: 50].

В отношении мотива пути ученый отмечает: «Герой совершает свои подвиги вне дома, в пути-дороге, отдельные участки которой мифо-

логически отмечены (лес как сфера демонических существ, река как граница различных сфер, нижний и верхний миры и т.п.)» [1: 60].

Для нашего исследования актуальна мысль автора о мифологической топографии: «В мифе и сказке <...>, а также в рыцарском романе распространены архетипические мотивы путешествий, включающие лесные блуждания, реке – морские поездки (последние более характерны для греческого романа), посещения иных миров. Эти путешествия, как правило, строго соотносены с мифологической топографией, не только с противопоставлением неба, земли, подземного и подводного «царств», но также с противопоставлением дома и леса (последний представляет собой «чужой» мир, насыщенный демонами и демонизмом), с маркированием реки как границы между мирами на суше и т.д. и т.п.» [1: 67].

Очевидно, что понятие «литературный архетип» гораздо шире, нежели юнговские архетипы, которые «представляют собой преимущественно образы, персонажи, в лучшем случае роли и в гораздо меньшей мере сюжеты» [1: 6]. В этой связи Е.М. Мелетинский обосновывает необходимость введения нового термина – «архетипический мотив», под которым понимает «некий микросюжет, содержащий предикат (действие), агенса, пациенса и несущий более или менее самостоятельный и достаточно глубокий смысл» [1: 50]. Система выделенных исследователем архетипических мотивов дает нам основание отдельно говорить о пространственных архетипах в литературе.

Исследуя пространственные категории, Ю.М. Лотман отмечал их древность и универсальность: «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»). Как это бинарное разбиение интерпретируется – зависит от типологии культуры. Однако само такое разбиение принадлежит к универсалиям» [3: 257]. Важным атрибутом такого «разбиения», по мысли ученого, является граница: «...границу эту можно определить как черту, на которой кончается периодическая форма. Это пространство определяется как «наше», «свое», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное» и т.д. Ему противопоставлено «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое» [3: 257].

Исследованию художественного пространства посвящена работа Д.А. Шукиной «Простран-

ство в художественном тексте и пространство художественного текста» (2003). Основной характеристикой «архаической концепции пространства» автор считает осознание пространства как «территории существования, обитания, отграниченной от внешнего пространства, от остального мира. <...> Мир начинает делиться на «свое» пространство (небольшое, отграниченное) и «чужое». Так в мировоззрении древних появляется бинарная оппозиция «свое - чужое, принципиальная по своей важности. Освоенная территория, «свой» мир характеризовался неоднородностью: в нем выделялись сакральное пространство (центр) и профанное пространство (периферия). Сакрализованный центр «отмечался алтарем... а затем храмом, на основе чего формировалось абстрактное представление о мировой оси, мировом древе (верх - низ). Так возникало отграниченное, ориентированное и измеренное пространство. <...> Ранние пространственные представления закрепились в мифологии. Именно в мифах пространственная модель четко структурируется на основе системы «бинарных оппозиций, фундаментальных противопоставлений, архетипических кодов: свой - чужой, верх - низ, жизнь - смерть, космос - хаос и др.» [4: 13–14].

Впервые пространственные архетипы как отдельная группа рассматривались в монографии Ю.В. Доманского «Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте» (2001). Распределив архетипические мотивы на «мотивы, связанные с описаниями природы, стихий мироздания; мотивы, непосредственно соотносимые с циклом человеческой жизни, ключевыми моментами и категориями в жизни человека, и мотивы, характеризующие место человека в пространстве» [5: 28], исследователь проанализировал шесть рядовых мотивов: метели и времен года, сиротства и вдовства, леса и дома.

Заметим, что типология Ю.В. Доманского основана не только на тематическом, но и на функциональном значении архетипа. Данную позицию автор аргументирует тем, что «в современной интерпретации архетип воплощает исконные общечеловеческие ценности, универсальные нравственные представления человека о мире, что не противоречит бессознательной и внеценочной природе архетипа в архаическом мифе. Применительно к современности мы даже можем утверждать, что архетип, как это ни противоречит его собственной логике, – синоним уни-

версальной нравственности, заложенной изначально в человеке» [5: 28–29]. Руководствуясь данным положением, автор выделяет несколько типов функционирования архетипического значения в литературе, а именно:

- сохранение всего пучка сем архетипического значения мотива;
- доминирование каких-либо сем архетипического значения;
- инверсия архетипического значения мотива как показатель неординарности персонажа;
- инверсия архетипического значения мотива как показатель отступления от универсальных нравственных ценностей;
- сочетание разных сем архетипического значения в оценках одного персонажа [5: 29].

Анализируя творчество М.И. Цветаевой, Н.С. Кавакита в основном характеризует традиционно выделяемые архетипы: архетипы, соотносимые со сферой эмпирического существования (воплощение архетипических черт Анимы, Анимуса, Ребенка, Матери, Духа-Отца), и архетипы, соотносимые со сферой над-эмпирического существования (черты архетипики Духа и Самости). При этом пространственные архетипы Горы и древесного мира (леса) связывает с архетипом Самости. Главной в их символике, по мнению исследователя, является идея роста личности «динамичность, устремленность вверх, сращение разного в целое» [6: 168]. Н.С. Кавакита отмечает, что «горная символика проникает в творчество М. Цветаевой в 1920-е годы, органично включаясь в общую систему поэтического космоса. При этом поэт «приспосабливает» концепт «гора» к этому космосу, действенными остаются преимущественно две семьи: 1) высота (букв. и перен. значения); 2) «труднопреодолимость», «тяжесть» горной породы» – и буквальная, физическая, и фигуральная. <...> «Гора» служит своеобразной «единицей измерения» ряда эстетико-этических категорий художественной системы М. Цветаевой» [6: 154]. Описывая «древесный мир» М. Цветаевой, Н.С. Кавакита отмечает, что «опозиционность двух миров все еще сохраняет моделирующие функции, однако представление героини о мире деревьев постепенно углубляется: к выделенным добавляется противопоставление «сакральное - профанное». Теперь ее восприятие связывает мир природы с миром над-эмпирического, не случайно в стихотворение входят образы, репрезентирующие хри-

стианские и языческие представления о сакральном: «Лес! – Элизиум мой!», «легкий жертвенный огонь Рощ», «дерево» несет «вещую весть» [6: 165–166].

Выявляя функции архетипов и архетипических образов в произведениях П.В. Засодимского, Е.Ю. Власенко описывает личностные архетипы и мотивы, к которым относит архетипы культурного героя-демиурга, трикстера, оборотня, бабы-яги, сироты, вдовы и пространственные архетипы (дом, сад, ад и рай). Автор считает, что традиционные пространственные ориентиры наполняются символическим смыслом и обретают универсальный, общечеловеческий подтекст благодаря «мощной философской проблематике» произведений П.В. Засодимского [7: 96]. На наш взгляд, достаточно убедительно образы дома, леса, ада ирая рассматриваются как архетипические, представляющие реализацию бинарных оппозиций «внутренний – внешний», «свое – чужое», «хаос – космос» [7: 96].

Анализу «универсальных архетипов» в жанре фэнтези посвящена работа Н.И. Васильевой «Фольклорные архетипы в современной массовой литературе: романы Дж. К. Роулинг и их интерпретация в молодежной субкультуре» (2005). Среди описанных исследователем архетипических мотивов немаловажную роль играют пространственные, прежде всего мотив «преодоления порога»: «После того, как герой узнал о беде/несчастье и решил что-то предпринять (см. «отлучку» в схеме В.Я. Проппа) или же – более широко – ощутил «зов к приключению» и как-то отреагировал на него, <...> он отправляется в путь и рано или поздно должен встретиться со стражем порога в иномирии, а затем пересечь этот порог» [8: 47–48]. Отметим, что само иномирие, а также промежуточная, пограничная зона, по мнению автора, так или иначе связаны с архетипическими пространственными мотивами: «под иномирием нужно понимать ту пространственно-временную систему, которая противопоставлена реальности, принятой в данной сказке за мир обыденности, за мир, родственной герою. <...> В роли иномирия совсем не обязательно выступает некое «царство-государство» – обычно это замок/дворец, причем к нему часто прикреплен какой-то традиционный пограничный локус, то есть, например, замок на горе/ в горах, замок в лесу, замок у реки, замок/дворец под землей/в поднебесье» [8: 48]. В целом же, кон-

стативирует Н.И. Васильева, «нетрудно объяснить многообразие изображаемого, неоднородность, протекающую из трансформации традиционного понимания сказочного универсума как оппозиции «свой» мир – «чужой» мир» [8: 49].

И.Н. Невшупа в диссертационном исследовании «Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: типы и архетипы» (2007) анализирует архетип «подростка» (ср. у К.Г. Юнга архетип дитяти) и архетипические мотивы двойничества, эгоизма, гордыни, бесовства, скитальчества, благообразия, странничества. Характеризуя архетипические мотивы, непосредственно связанные с личностными образами у Достоевского, исследователь обращается к явно пространственной оппозиции скитальчество / странничество, не заостряя, однако, внимания на том, что оба элемента этой оппозиции восходят к архетипу пути. Европейским «скитальцем» И.Н. Невшупа называет Версилова, странником-богомольцем – Макара Ивановича: «Версилов – европейский скиталец с русской душой, идейно бездомный и в Европе, и в России. Макар – русский странник, отправившийся в хождение по Руси, чтобы познать весь мир: ему вся Россия и даже вся вселенная – дом. Версилов – высший культурный тип русского человека. Макар – высший нравственный тип русского человека из народа, своего рода народный святой» [9: 133].

В работе «Экзистенциальная архетипика в художественном пространстве современной русской прозы» (2006) С.Г. Барышева предлагает разделить экзистенциальные архетипы на две группы: «онтические» (термин М. Хайдеггера) и гносеологические. «Произведения, где есть онтические архетипы, строятся по экзистенциальным канонам (наличие экзистенциального героя, наличие пограничной ситуации и т.д.). <...> Гносеологические архетипы в силу своей специфики могут встречаться не только в произведениях экзистенциальной направленности, но также в произведениях различных стилей и направлений». Автор отмечает, что «экзистенциальные архетипы вплетены в ткань романа очень ненавязчиво, там, где писатели обращаются к вечным категориям: жизнь - смерть, добро - зло, вера - безверие, которые вырастают до образов символов. Экзистенциальные архетипы отражают мировоззрение художников, их устремления, представления о моральных ценностях, согласно которым выше всего ставится Человек, его личность, стремление

познать самого себя, упорство в борьбе с самим собой» [10: 102–103]. В своей работе С.Г. Барышева относит к онтическим архетипы Тошноты, Пустоты, Болезни, Насекомого, Тяжести. Среди гносеологических выделяет архетипы Пути (архетипы Дороги, Города, Границы) и Истины (архетипы Дома, Окна, Леса, Воды). Как видим, большинство архетипов, названных автором гносеологическими, являются по сути пространственными.

Выполненный нами анализ трудов классиков отечественного литературоведения и современных ученых позволяет сделать следующий вывод: исследование основных архетипов, выделенных еще К.Г. Юнгом, не обходится без описания пространственных категорий.

Под пространственными архетипами мы понимаем общечеловеческие пространственные образы, бессознательно передающиеся из поколения в поколение, пронизывающие всю художественную литературу от мифологических истоков до современности и образующие постоянный фонд сюжетов и ситуаций. Акцентируем внимание на том факте, что пространственные архетипы имеют тенденцию выступать парами, в виде бинарных оппозиций. Таким образом, к пространственным архетипам, на наш взгляд, необходимо отнести прежде всего антиномическую пару космос/хаос, которая является основанием для других пространственных оппозиций, таких как: дом/лес (безопасное пространство / опасное пространство), дом/дорога (закрытое пространство / открытое пространство), дом/анти-дом (свое пространство/чужое пространство) и др. Следовательно, архетипическим значением наделяется и образ границы – пространственного рубежа, разделяющего свой и чужой миры.

Далее следует заметить, что архетипическую универсальную семантику и ценностный статус приобретают также и некоторые параметры пространства, например стороны света или пространственные оси: вертикальная и горизонтальная. Данное положение подтверждается мнением многих исследователей об устойчивости архаической пространственной модели, включающей бинарные оппозиции (свое/чужое, верх/низ, юг/север и др.), сакральный центр и профанное пространство, а также предметы и явления, архетипическое значение которых связано с древнейшей культурной традицией.

Рассмотрим семантику архетипической пространственной оппозиции дом/лес. Известно, что пространственные представления древнего человека воплотились прежде всего в устройстве жилища, его четырехчленная структура отражала четырехчленную модель мира. «Четыре стороны (4 стены, 4 угла) жилища с находящимся в центре деревом удивительно точно повторяют словесные и живописные тексты, описывающие четырехчленные модели мира (разных культурных традиций)» [11: 91]. Строительный ритуал как способ освоения и организации пространства включал в себя «ритуальную борьбу между хозяевами и плотниками» [11: 102]. Основываясь на этом наблюдении, А.К. Байбурун соотносит сам ритуал «с целым классом текстов <...> диалогическая структура которых воспроизводит архетип борьбы между хаосом и космосом» [11: 102]. Жилище, таким образом, воплощало «уменьшенную модель пространства, мира <...> реальность выступает как имитация небесного архетипа; искусственные объекты (поселения, храмы, жилища) становятся сакрально значимыми, так как отождествляются с «центром мира»; обряды и значимые профанные действия наделяются определенным смыслом потому, что они сознательно совершаемые богами, героями и предками» [4: 14-15].

Как правило, образ дома в литературе имеет архетипическую семантику, если реализует значение закрытого внутреннего пространства, дающего покой, безопасность и надежную защиту; значение средоточия универсальных жизненных ценностей – таких как счастье, благополучие и согласие в семье, материальный достаток.

На наш взгляд, классическим примером использования пространственной оппозиции дом/лес в русской литературе является повесть Н.В. Гоголя «Старосветские помещики». Пространство (дом), в котором обитают радушные старички, можно охарактеризовать как замкнутое, отгороженное от внешнего мира следующим образом: кольцо изб – сад – граница-плетень – дворик с частоколом – лес. Основным свойством этого «домашнего» пространства является гостеприимство и доброжелательность. Законом внутреннего мира является уют. В замкнутом мире старичков ничего не происходит. Все действия отнесены не к прошедшему и не к настоящему времени, а представляют собой многократное повторение одного и того же. Течение мирной жизни старосветских помещиков изме-

нил уход из дома любимой кошки Пульхерии Ивановны, неожиданное сильное беспокойство приходит из леса, пространства внешнего по отношению к мирному жилищу старичков.

Лес в повести также наделяется архетипическими чертами: находится за пределами теплого, уютного, ограниченного деревьями, плетнем, частоколом, галереей, поющими дверьми, узкими окнами внутреннего мира старичков. Для старосветских помещиков лес – мифологическое пространство. Он маркируется как место, несущее в себе губительные функции, вызывающее у человека чувство страха и тревоги.

Таким образом, дом и лес в повести – два противоположных пространства. Архетипические черты дома – уют, безопасность, счастье, изобилие, любовь, радушие; леса – тревога, опасность, обиталище таинственных диких котов. Неизменное внутреннее пространство счастья и уюта катастрофически разрушается в результате вторжения опасного случая из чуждого им пространства леса (миф). Возникает пространственная оппозиция внешний – внутренний = опасный – безопасный.

Рассмотренный нами литературный пример показывает, что лес имеет архетипическую семантику, поскольку реализует значение места, представляющего опасность, угрозу человеку, порождает у него чувство страха, является местом (или причиной) гибели человека.

Мировая мифология часто представляет лес как пограничную зону между миром мертвых и миром живых, поэтому именно здесь проводились обряды инициации. «Обряд посвящения производился всегда именно в лесу. Это – постоянная, неременная черта его по всему миру» [12: 57]. В целом представления о лесе как окружении подземного царства, царства мертвых восходят еще к Античности и литературно зафиксированы у Овидия и Вергилия, а затем проникают и в европейскую литературу.

В славянской мифологии лесу также отводилось значительное место. Древний человек осознавал свою беспомощность и незащищенность перед жестокими силами природы, и наиболее враждебным считался лес. Показательным в этом отношении является следующее наблюдение: «Человек, выходя из дома в лес <...> настраивался на постоянную борьбу с непредвиденными обстоятельствами и немилосердными стихиями; а с другой стороны – всегда мог

рассчитывать и на неожиданную помощь лесного божества, лесного хозяина, поэтому старался ему понравиться: не вредить лесу, не бить без нужды зверей, не ломать зря деревья и кустов, не засорять лес, даже не кричать громко, не нарушать тишину и покой природы» [13: 6].

А.А. Скоропадская, прослеживая историю образа леса в мировой культуре, отмечает, что сложную и неоднозначную роль этот образ играет в ветхозаветной традиции: «...очень часто в Ветхом Завете является образом многочисленного народа. Это своего рода метафора: народ состоит из большого количества людей абсолютно одинаковых, каждый человек отличен от другого так же, как отличаются друг от друга деревья. <...> В Ветхом Завете лес также может выступать как защитник избранников Божиих. <...> С возникновением христианства образ леса приобрел новые оттенки значения, сохранив в себе языческие представления. Значение леса как священного места сохраняется, но вместо языческих обрядов здесь начинают проводить христианские. В лесах стали устанавливать часовни или кресты, вешать на деревья иконы, таким образом шло уподобление леса и храма» [14: 64].

Исследователь Д.Х. Биллингтон усматривает еще одно значение леса: «именно девственная лесная чаща явилась колыбелью великой русской культуры <...> Леса представляли собой как бы вечнозеленый занавес, в начальный период формирования культуры защищавший сознание от все более отдалявшихся миров – Византии и урбанистического Запада» [15: 51].

Кроме этого, пространственный архетип «лес» имеет следующее значение: «место, где человек не способен что-либо предпринять и полностью вынужден положиться на высшее вмешательство в свою судьбу; при этом человек боится леса, ибо не знает его воли по отношению к себе» [5: 50]. Следовательно, семантическими характеристиками леса можно считать: враждебность части пространства, оппозицию всем

прочим горизонтальным топосам, укрытие для невинно гонимых.

Специфической чертой пространственной оппозиции дом/лес является наличие границы. О выразительности этого пространственного архетипа убедительно писал еще Ю.М. Лотман: «В «Старосветских помещиках» структура пространства становится одним из главных выразительных средств. Все художественное пространство разделено на две неравные части. Первая из них – почти не детализованная – «весь остальной» мир. Она отличается обширностью, неопределенностью. Это – место пребывания повествователя, его пространственная точка зрения. <...> Вторая – это мир старосветских помещиков. Главное отличительное свойство этого мира – его отгороженность. Понятие границы, отделяющей *это* пространство от *того*, обладает предельной отмеченностью, причем весь комплекс представлений Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны организован этим разделением, подчинен ему. То или иное явление оценивается в зависимости от расположения его по ту или по эту сторону пространственной границы» [16: 267].

Таким образом, пространственными архетипами, пронизывающими всю литературу от древности к современности, можно считать следующие:

1. Космос/хаос как основополагающая антиномическая пара и все ее варианты: дом/лес, дом/дорога, дом/анти-дом, рай/ад, небо/земля, город/деревня, столица/провинция и т.п.
2. Граница как пространственный рубеж, имеющий место при любом пространственном противопоставлении: порог, окно, ворота, река и т.п.
3. Параметры пространства, имеющие универсальную семантику: стороны света (юг/север, запад/восток); пространственные оси (вертикальная и горизонтальная); сакральный центр и профанное пространство и т.п.

27.08.2010

Список использованной литературы:

1. Мелетинский, Е.М. О литературных архетипах / Е.М. Мелетинский. – М.: РГГУ, 1994. – 136 с.
2. Мелетинский, Е.М. Космос // Мифология: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский / Е.М. Мелетинский. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 736 с.
3. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. – 704 с.
4. Щукина, Д.А. Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста / Д.А. Щукина. – СПб.: СПбГИ, 2003. – 218 с.
5. Доманский, Ю.В. Словообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Пособие по спецкурсу. Издание 2-е, исправленное и дополненное. (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Приложение) / Ю.В. Доманский. – Тверь, 2001. – 94 с.

6. Кавакита, Н.С. Проблема архетипа в творческом опыте М.И. Цветаевой: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Н.С. Кавакита. – М., 2004. – 200 с.
7. Власенко, Е.Ю. Функции архетипов и архетипических образов в произведениях П.В. Засодимского: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е.Ю. Власенко. – Ульяновск, 2005. – 163 с.
8. Васильева, Н.И. Фольклорные архетипы в современной массовой литературе: романы Дж. К. Роулинг и их интерпретация в молодежной субкультуре: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03, 10.01.09 / Н.И. Васильева. – Н. Новгород, 2005. – 243 с.
9. Невшупа, И.Н. Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: типы и архетипы: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / И.Н. Невшупа. – Краснодар, 2007. – 179 с.
10. Барышева, С.Г. Экзистенциальная архетипика в художественном пространстве современной русской прозы: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.Г. Барышева. – Магнитогорск, 2006. – 201 с.
11. Байбурун, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурун. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.
12. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 368 с.
13. Баженова, А.И. Солнечные боги славян / А.И. Баженова // Мифы древних славян. – Саратов: Надежда, 1993. – 320 с.
14. Скоропадская, А. А. Образы леса и сада в поэтике романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.А. Скоропадская. – Петрозаводск, 2006. – 213 с.
15. Биллингтон, Д.Х. Икона и топор: опыт истолкования русской культуры / Д.Х. Биллингтон. – М.: Рудомино, 2001. – 880 с.
16. Лотман, Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.

Сведения об авторах:

Коробейникова Анна Александровна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук

Пыхтина Юлиана Григорьевна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 372436

Korobeinikova A.A., Pykhtina Yu.G.

About spatial archetypes in literature

Researches devoted to the literary archetypes are analyzed in this article. The authors reveal and describe spatial archetypes in belletristic literature. Semantics of binary opposition house/forest is regarded on the example of the story «Old-fashioned landowners» by N.V. Gogol.

Key words: art space, literary archetypes, spatial archetypes, binary opposition.

Bibliography:

1. Meletinsky, E.M. About the literary archetypes / E.M. Meletinsky. – Moscow: State Humanitarian University, 1994. – 136 pp.
2. Meletinsky, E.M. Space / Mythology: The Great Encyclopedic Dictionary / Ch. Ed. E.M. Meletinsky / E.M. Meletinsky. – Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1998. – 736 pp.
3. Lotman, Y.M. Inside the thinking worlds / Y.M. Lotman / Lotman. Y.M. Semiosphere. – St. Petersburg: Art-SPb, 2000. – 704 pp.
4. Shchukina, D.A. The space in a literary text and the space of an artistic text / D.A. Shchukina. – Spb.: Mining Institute, 2003. – 218 pp.
5. Domanski, Y.V. Exposing the role of archetypal meanings in literary texts. Lecture Course. Handout. Issue 2 revised and enlarged. (Literary text: problems and methods of research; supplement) / Y. V. Domanski. – Tver, 2001. – 94 pp.
6. Kawakita, N.S. The problem of archetype in M.I. Tsvetaeva's creative experience: Dis.... Cand. Philology Science: 10.01.08 / N.S. Kawakita. – Moscow: 2004. – 200 pp.
7. Vlasenko, E.Y. Functions of archetypes and archetypal images in the works of P.V. Zasadimskie: Dis.... Cand. Philology Science: 10.01.01 / E.Y. Vlasenko. – Ulyanovsk, 2005. – 163 pp.
8. Vasilieva, N.I. Folklore archetypes in modern mass literature: novels of J.K. Rowling and their interpretation in the youth subculture: Dis.... Cand. Philology Science: 10.01.03, 10.01.09 / N.I. Vasilieva. – N. Novgorod, 2005. – 243 pp.
9. Nevshupa, I.N. F.M. Dostoevsky's novel «Teenager»: types and archetypes: Dis.... Cand. Philology Science: 10.01.01 / I.N. Nevshupa. – Krasnodar, 2007. – 179 pp.
10. Barysheva, S.G. Existential arhetipika in art space of modern Russian prose: Dis.... Cand. Philology Science: 10.01.01 / S.G. Barysheva. – Magnitogorsk, 2006. – 201 pp.
11. Bayburin, A.K. Residence in the rites and beliefs of Eastern Slavs / A.K. Bayburin. – Moscow: Languages of Slavonic Culture, 2005. – 224 pp.
12. Propp, V.Y. Historical Roots of a fairy tale / V.J. Propp. – L.: Izd-vo Leningrad University Press, 1986. – 368 pp.
13. Bazhenova, A.I. Sun gods of the Slavs / A.I. Bazhenova // Myths of ancient Slavs. – Saratov: Hope, 1993 – 320 pp.
14. Skoropadsky, A.A. Images of the forest and garden in the poetics of Boris Pasternak's novel Doctor Zhivago: Dis.... Cand. Philology Science: 10.01.01 / A.A. Skoropadsky. – Petrozavodsk, 2006. – 213 pp.
15. Billington, D.H. Icon and the Axe: Interpretation experience of Russian culture / D.H. Billington. – Moscow: Rudomino, 2001. – 880 pp.
16. Lotman, Y.M. Art Space in Gogol's prose / Lotman Y. M. In the school of poetic words: Pushkin. Lermontov. Gogol. Teachers' book / Y.M. Lotman. – Moscow: Education, 1988. – 352 pp.